- Колдуй бабка, колдуй дед! - заговаривал какие-то странные заклинания сумасшедший маг, продолжающий в перерывах между чтением и пьянством истошно хохотать.

Бард же стоял у входа в комнату и молча слушал, как матерящуюся Самаэль медленно, но настойчиво расколдовывают.

Спустя время сквозь возню донеслись крики и непонятные шутки, которые продолжались примерно ещё минут 10, пока всё не стихло и не вышел пьяный до безумия колдун.

- Готово! - он засмеялся, выпил ещё один кружкобидон и плюхнулся лицом в каменный пол, сломав себе нос.

Однако даже это не мешало ему смеяться, чередуя заливистый смех с убойным храпом.

Воспользовавшись случаем, Том, не мешкая вошёл внутрь и...

Комната была обставлена просто ужасно, но это лишь половина беды. Помещение в форме полукруга было заполнено различными шкафами с примерно такой же атрибутикой, как и в магическом магазине в Столице. Исключением из всего этого были лишь кровать, аккуратно заправленная, да дорогое зеркало, у которого находилась фигура.

Спиной к нему стояла, любуясь на своё отражение, миниатюрная девушка, что была в разы меньше него (на пару голов это уж точно) с длинными, доходящими до копчика белыми, как молоко, волосами, идеально причёсанными и ухоженными. Из-за этого складывалось впечатление, что в лютне у Самаэль был Спа-Салон.

Разглядеть её лицо было просто невозможно, но это быстро решилось, когда она повернулась посмотреть на вошедшего Тома.

Первое, что было заметно сразу, это зелёные глаза, но не просто зелёные... Они были похожи на малахит, хотя, тут скорее малахит был похож на её глаза. Узкое лицо, милый курносый нос и хитрое выражение лица, остроту и яркость которому придавали тёмные брови. Её можно было назвать самым красивым существом, которое когда-либо видел бард.

- Валим? - спросила она прямо, даже не поздоровавшись.

- Да, - так же коротко ответил ей музыкант, всё ещё пытаясь прийти в себя.

***

Они сидели в комнате в таверне и ели. Вернее, ела Самаэль, а Том лишь удивлялся её зверскому аппетиту, который сравнить можно было разве что с голодом почуявшей кровь большой белой акулы.

Девушка достаточно быстро всё съела и улеглась на кровать.

- Свет потуши, - протянула она капризно и противно до такого состояния, что парень скривился.

- Постой, - остановил он её, все ещё не сделав то, что от него требуют, - я, конечно, всё понимаю, но какого чёрта?

- Ты о чём? - она выглядела сильно раздражённой.

- Уж прости, дорогая моя Самаэль, но я ради тебя рисковал жизнью, не один, чёрт возьми, раз я шёл в самое пекло не смотря на все отговорки, даже на твои. Я старался вернуть тебе нормальную жизнь, сделал это своей целью, хотя мог заниматься совершенно другими делами, а сейчас выясняется, что ты относишься ко мне, как к собачьему дерьму? - Том в первый раз за всё время был очень близок к потере контроля над собой, - я даже банального «спасибо» не услышал! Какого чёрта? Что с тобой стало? Неужели на тебя так лютня влияла?!

Миниатюрная девушка слушала, опустив глаза, иногда сжимая маленькие кулачки, но затем, всё-таки, посмотрела на него своим бездонным взглядом.

- Да... Ты прав, извини, что-то я совсем... - это удивительно, но в её глазах было видно искреннее раскаяние, это даже несколько смущало неопытного этика, - как-то всё навалилось.

- Я понимаю, но давай решим все вопросы, которые сейчас нас волнуют больше всего, а потом уже с чистой совестью пойдём спать, хорошо?

- Да.

- Итак, у тебя есть семья, друзья, дом? Есть к кому вернуться? Я сомневаюсь, что ты захочешь скитаться со мной по миру и жить на гроши.

- Нет никого... - Самаэль спрятала глаза, смотря куда-то в пол, - а что мне нельзя? Я хотела остаться с тобой, мне просто нечего больше делать.

- Ты видела то, что со мной происходит? - Том был далеко не против такой компании, но он банально боялся, что беззащитной на вид девушке будет далеко не безопасно путешествовать с ним, учитывая его глупость и безрассудство.

- Я могу постоять за себя, - она постаралась выглядеть опасной и смелой из-за чего выглядела ещё более милой и безобидной.

- Ладно, постарайся в случае чего останавливать меня и в целом быть аккуратнее и вообще... - его прервал храп, девушка заснула в сидячем положении. Быть может она просто очень сильно устала.

***

Как оказалось дело не в этом, вообще не в этом. У Самаэль было что-то вроде нарколепсии, но в лёгкой и странной форме, если поставить её и сказать идти за собой, то она пойдёт без каких-либо проблем, даже на кочках не упадёт, но спать и похрапывать определённо будет. Изредка она умудрялась просыпаться во время их путешествия обратно, которое заняло неделю. Но, правда, её пробуждения в основном основывались на запахе еды, что можно было бы использовать. Однако поговорить с девушкой у него не получилось, после того как её желудок заполнялся, она снова отрубалась, как по волшебству. Это немного раздражало.

Наконец, парочка достигла стен родной Столицы, где уже через мгновение Том получил заслуженное вознаграждение и стоял у здания Гильдии, прислонившись спиной к холодной каменной стене, пересчитывая заветные золотые. На миг он перевёл взгляд на столицу.

Всё те же заполненные улицы, странные запахи и крики доносящиеся откуда-то с рыночной площади. Музыканту, вообще, повезло, что он сейчас находился в относительно неплохом районе, где даже дороги были выложены булыжником, а через каждые 5-10 метров стояли фонари, зажигающиеся по ночам. Монеты продолжали сверкать в его руках, хотя, для того,

чтобы не привлекать внимание он даже встал в тени. Только сейчас Том задумался обо всём, что произошло с ним за это время. Просто игнорировать происходящее было невозможно, а убегать от реальности когда-нибудь надоест или когда-нибудь просто закончатся силы. Но решить всё то, что обычному человеку противопоставила судьба, одному сложно. Это всё равно, что в одиночку бороться с целым лагерем орков...

Парень закашлялся, подавившись накатившим на него смехом, затем вернулся к своему делу, в конце концов ему оставалось совсем ничего. Повернувшись к Самаэль, он взглянул на неё немного под другим углом: его спутница всё так же ласково и мирно сопела, не обращая на мир никакого внимания. И на вздыхающего парня, что смотрел на неё, тоже. В очередной раз вздохнув, музыкант взял жертву нарколепсии за руку и повёл за собой.

Начались хождения по магазинам, настойчивые, долгие торги, в которых бард чувствовал себя просто как рыба в воде. Однако, даже его подвешенный язык не помог не остаться с полупустыми карманами на улицах Столицы. Тем не менее, денег вполне должно было хватить на то, чтобы снять комнату на ночь и сытно поужинать.

Даже когда они уже сидели за столом, Том отчётливо слышал её тихое сопение и ритмичное покачивание на манер маятника. Видимо, таким образом её организм поддерживал в тонусе тело или ещё что-то... Только когда ей принесли тарелку с едой, бывшая пленница вдруг оживилась и, открыв один глаз, начала вновь уплетать порцию за порцией. Видимо, желание есть было куда сильнее любых болезней, апокалипсисов, войн и других мероприятий и отговорок для слабаков.

***

- У нас нет денег, Том! - её лицо было подозрительно близко к лицу парня, но это не смутило не первого, ни вторую, - надо взять задание!

- Но ведь я только вернулся после такого... - бард заворчал и повернулся на другой бок, укутываясь одеялом.

- Ты отдыхал достаточно долго у орков! - Самаэль фыркнула и снова нависла над ним, как гильотина над Робеспьером.

- Ладно... - будучи сонным, Том едва ли хотел так просто вставать, особенно, учитывая сколько проспала его верная соратница. Но принимая во внимание её настойчивость и злой взгляд, так просто отделаться от неё было невозможно. А жаль...

***

Было раннее утро. Персиково-голубое небо, укутанное рваными, пушистыми облаками, освещёнными ещё красным светилом, притягивало к себе воодушевлённые взгляды. Но даже не смотря на время суток, примерно пять или шесть часов утра, усталости уже не оставалось. Умывшись в ледяной воде, бард ощущал себя довольно неплохо. Утренняя прохлада приятно обжигала только что умытое лицо. Но, как ни странно, холодно не было. Это, скорее, будет правильно назвать свежестью. Такое ощущение появляется только если вы хотя бы раз были в каких-нибудь летних лагерях или в походе, ну или просто на отдыхе! Это ощущение, когда улицы ещё пусты, все ещё мило спят в своих норках, а вы вынуждены куда-то вставать, что-то делать, но это не вызывает у вас трудностей. Появляется лёгкая гордость за свои поступки, которая вознаграждается Вселенной этой блаженной тишиной, утренней кристальной чистотой, ясностью в голове и бодростью.

Вот и Том испытывал нечто подобное, просто стоя на месте некоторое время, наслаждаясь моментом.

***

Это огромное соборообразное здание всё так же возвышалось над всеми домами в округе, с чувством величия осматривая их взглядом старого ворона в чёрном гнезде. Улицы всё так же были пусты и лишь лучи просыпающегося солнца пытались ласково разбудить Столицу ото сна. Хотя кого я обманываю? Столица почти никогда не спала. Её сон был похож на сон обожравшейся кофе совы, страдающей бессонницей. Едва огни в окнах гасли, как на улице зажигались другие, словно выбежав из своих жилищ, чтобы защищать простых людей. Но огни создают и тени, что так хорошо скрывают всех тех, кому не спится.

Словно крысы они выползают из своих нор и живут, как обычные люди днём. Для них на небе должно быть лишь одно светило — Луна.

- Ааа, вот и вы, господин Томас! - улыбающееся лицо всё того же маленького старичка в огромных очках сияло похлеще, чем рассвет снаружи, - у нас как раз для вас есть один заказ, прямо в Столице, интересует?

- Да, определённо, сколько платят? - он лишь слегка улыбнулся уголком рта, подсознательно удивившись, что его назвали «господином».

- У нас здесь в Пыльном Квартале живёт некая старуха. Скажу по своему опыту, что она совершенно безумна и возраст уже давно взял там своё, однако... - работник гильдии загадочно потёр свой гладко выбритый подбородок, осматривая конверт ещё раз, - она готова выложить 500 золотых за то, что вы разберётесь с каким-то странным шумом в её подвале. Говорит, что там какие-то... Цитирую: «Демоны, сатанюги адскые завилися, ой банки побьють, ой побьють!» - человек в очках даже не пожалел экспрессии для цитаты.

- О, идти далеко не придётся, тогда я согласен, - у музыканта было ощущение, словно что-то было не так как должно быть, но какая разница? - Можете дать её точный адрес?

***

Во время пути к этому домику люди начали просыпаться и, через жалкие четверть часа, улицы снова были полны. В основном это были всякие бедняки или крестьяне, что направлялись на рынок, чтобы продавать овощи, фрукты, молоко, мясо да сыры. Ничего особенного и ничего необычного. Однако, люди в который раз умудрились испортить своеобразную чистоту тишины и пустоты, что правила в Городе совсем ранним утром, но их можно за это простить.

Том никогда особо не всматривался в лица людей, вечно менявшихся вокруг, и решил заняться этим прямо сейчас. Он не ожидал, что так много можно было узнать по лицам. К примеру: старый мужчина с седой бородкой и залысиной, лицо его было опалено солнцем, из-за чего серебро волос контрастировало со смуглой кожей. Сразу можно понять, что он работает в поле. Даже не столько по телеге с овощами и мешками с зерном, сколько по сильным рукам, прекрасно таскающим тяжести после стольких лет.

Громко хмыкнув, бард отвёл взгляд и направился дальше, до нужного дома оставалось совсем чуть-чуть. Повернув за угол парень с девушкой наткнулись на сильно выделяющееся из общей массы жилище. Пробитая кое-где крыша резонировала с небольшим милым ковриком перед дверью, а разбитое окно на чердаке с цветочными горшками на втором этаже.

Едва стук закончился, как тяжёлая, обитая железом дверь распахнулась, но за ней никто не стоял. Однако тут же чья-то голова, окутанная платком появилась в проёме. Совсем уж внимательный явно мог заметить, что двери не давала открыться небольшая цепочка, которую либо забыли снять, либо оставили намерено.

- Чаво эт вам тут надобно? - начала по-доброму возмущаться старушка, голова которой едва заметно выглядывала из-за огромной двери.

- Мы — герои, - гордо произнёс юноша, выпячивая грудь и поправляя лютню на плече. Самаэль лишь устало вздохнула, пряча лицо в ладонях, - а вообще... - он явно заметил негодование спутницы, - мы по объявлению пришли.

- Ах вот оно шо! - цепь тут же слетела, а тяжёлая дверь отлетела в сторону, как будто она была сделана из пуха и перьев, - ну так заходь, гости дорогие! Щас я вас чаем напою!

***

Жилище внутри было приятнее, чем снаружи. Однако всё равно, невольно осматривая убранство, ты задумывался о том, нет ли у хозяйки дома раздвоения личности? Безмерно милые и аккуратно, даже несколько скрупулёзно, расставленные атрибуты уюта, такие как синие тарелки. Странно почему не коричневые? Они ведь прослужат дольше. Или же различные коврики, свёртки самых разных приятно пахнущих специй для окуривания помещения и, само собой, огромный белый пушистый кот, спящий в углу. Краем глаза бард заметил, что миска, стоящая рядом с его ложем, была до краёв залита свежими сливками, а жирный кот, видимо, просто привык к таким деликатесам.

Через мгновение старушка притащила чай и снедь. У путников были булочки, крендели, пару плошек с жжёным сахаром, две тарелки борща, а также поднос с мясным ассорти, трюфелями, а на десерт был небольшой тортик, эклеры, профитроли, непонятно откуда взявшееся безе и пирожки с фруктами всех различных сортов и расцветок. Не то, чтобы это всё нужно было к спасению подвала, но раз решила захватить что-то перекусить, то надо идти в своём желании до конца. Единственное, что беспокоило барда, так это чай. «В это мире нет ничего более страшного, безвкусного и отвратительного, чем чай, который готовит старушка, живущая в пыльном квартале» - говорил им работник гильдии. И Томас знал, что довольно скоро они в это окунутся.

***

Чай действительно оказался просто отвратным, так что приходилось на каждый глоток по 4 укуса. В итоге к концу чашки юноша ощущал себя банком еды, полным банком еды. Однако даже это никак не убавило количество различных яств, что всё ещё занимали всю поверхность стола. Тем не менее Самаэль прикончила ещё половину и, довольно усевшись и потянувшись, задремала. Бабушка смотрела на неё, как на идеального человека, а Том, как на монстра. После этого случая, он начал строить конспирологические теории на этот счёт.

- Так что у вас стряслось? - спросил наконец музыкант, с усталостью держась за челюсти, что болели после такого долгого приёма пищи.

- Демоны, сатанюги адскые завилися, ой банки побьють, ой побьють! - повторила хозяйка, всё так же влюблённо смотря на засыпающую Самаэль.

Парень лишь протянул долгое «а» и, встав, направился к лестнице.

- Ну тогда я пойду разберусь!

- Угу.

- Если помру, то у вас отличные профитроли.

- Ох, дякую, милок! - она перевела на него своё внимание, видимо посчитав, что Том не такой уж плохой, - само-то справишься? А невеста твоя пущай поспит, ей отдыхать надобно.

- Но...

- Ступай.

Юноша испустил долгий, усталый вздох и спустился вниз. Первое, что бросалось в глаза — это темнота, всепоглощающий мрак, первородная бездна и Хаос, из которого был сотворён мир, нашли своё пристанище здесь. Именно поэтому герой вернулся обратно за свечкой.

- Бэнг-бэнг! Отец в подвале! Выходи на бой, зло! - крикнул Том, тут же спрыгивая с пары ступенек вниз, на каменный пол. Но ответа не было, лишь тишина, всепоглощающая и такая же липкая, как и темнота. Медленно сердце начало биться чаще, а страх стал материализоваться из мрака, окружающего музыканта с одинокой свечой. Боковым зрением, он заметил чью-то ногу. Это оказался голый труп мужчины, который лежит здесь от силы день.

- Есть тут кто?

Но снова лишь тишина, звенящая в ушах.

Вдруг два пылающих желтых глаза сверкнули в темноте, смотря прямо в душу рискнувшего спуститься.

- Ты меня слышишь? Понимаешь человеческую речь? - бард всё не унимался, пытаясь войти в контакт с «сатанюгами адскыми».

- Да, - коротко ответил ему мягкий женский голос, владелица которого явно боялась его больше, чем он её.

Сердце Тома вдруг вздрогнуло, больно сжавшись в чавкающий комок.

- У тебя есть имя? - снова задал вопрос юноша, стараясь не двигаться, чтобы не напугать собеседницу.

- Да.

- Какое же?

На миг повисло молчание, глаза всё так же сверкали впереди, за пределами освещения свечи.

- Анна, - тихо произнесла незнакомка, на миг отведя взгляд. Ассоциации с этим именем у Тома были самыми яркими.

- Можешь, пожалуйста, выйти на свет? - попросил он её, всё также не трогаясь с места.

Снова повисло безмолвие, Анна явно думала стоит ли это делать, но затем вновь посмотрела на Тома.

- Да, - постепенно её силуэт появился перед ним на почтительном расстоянии, но теперь парень мог легко её разглядеть.

И...

Это был суккуб. С копытцами, рожками — самый простой суккуб. Её черные глаза, которые, видимо, только в темноте отсвечивают жёлтым, смотрели прямо на него, заставляя сердце биться ещё сильнее.

Её нельзя было назвать красавицей: маленький рост, стеснительность и робкость, из-за которой Анна то и дело отворачивалась. Прямой узкий нос, слегка пухленькие щеки, красивая открытая шея, напоминающая о Turris eburnea, и мягкие губы, на которых не было и следа улыбки - она с хирургической точностью попадала во все болевые точки Тома, даже не начав толком с ним диалог. Парень с трудом пытался понять кого же она ему напоминает.

- Что ты здесь делаешь?

- Живу.

Снова тишина. И лишь её глаза, что всё так же пытались избегать прямого зрительного контакта.

- Это ты его убила? - бард указал пальцем на труп мужчины, а затем быстро повернулся, старясь смотреть на реакцию собеседницы.

- Да.

- Зачем?

- Не знаю... - её глаза на миг пронзили его взглядом и снова ретировались, стараясь не нарываться.

Томас из Лэйкмура просто смотрел на неё, вспоминая много чего из своей новой жизни.

- Можешь меня не бояться, - буркнул парень, встав посвободнее, - я не из тех «героев», что творят всякое «добро», не думая, - она не ответила, продолжая смотреть куда-то вниз, - серьёзно, я спас вампира, помог оркам... - он начал перечислять всё хорошее, что он сделал, но быстро закончил, поняв какая же он всё-таки тварь.

- Я должен тебя убить по заданию, но... - внутри него выл Фенрир, - я не хочу! Ты можешь не убивать? Хоть как-то? - взмолился юноша, не сводя с неё взгляда.

- Я... Я не знаю... - вновь посмотрев на мертвеца, суккуб вздохнула, явно стыдясь своего поступка.

- Это тебе нужно для того, чтобы выжить? Как пить кровь вампирам?

- Нет...

- Но тогда почему?

- Я не умею по-другому...

Он окончательно вспомнил кого же она напоминает и, тут же проведя аналогии, ужаснулся.

«Но это бред, реальная жизнь не может быть здесь. Никак. Поэтому она не может быть ей..» - думал юноша, пытаясь взять себя в руки.

Идея тут же пришла в ему в голову. Но кто её сгенерировал оставалось не ясно, либо хитрый мозг, либо же сердце, что не могло унять свой грайм.

- Тогда я... - Том сделал медленный и осторожный шаг, из-за чего Анна слегка дёрнулась, но осталась на месте, -... я покажу тебе другое. Обычно так делают люди, когда испытывают что-то хорошее к другому человеку, - она задрожала, но не делала ни единого шага, - не бойся, - совсем тихо прошептал бард, понимая, что в глазах начинает темнеть от нервов, а из груди вот-вот должно выпрыгнуть сердце и начать танцевать чечётку.

Его горячая из-за волнения рука прикоснулась к её холодной щеке, безумно нежной и мягкой. А сам юноша осторожно, но искренне поцеловал её, чувствуя, как всё в груди, в голове и в теле начинает взрываться.

Хотелось защищать это тепло, оберегать его во чтобы то не стало, хотелось разрывать на куски, остановить этот мир лишь бы этот момент длился как можно дольше. Анна дрожала, но не сопротивлялась.

Наконец Том отпрянул, посмотрев на неё.

- Это называется поцелуй, - объяснил музыкант с улыбкой, сам теперь немного побаиваясь смотреть ей в глаза, - искренний поцелуй. Без убийств и прочего, основанный лишь на любви.

Анна всё ещё дрожала, смотря куда-то в пол. И сам герой это видел.

- Послушай, я тебя почти не знаю, - его дыхание вдруг исчезло, заставляя говорить почти без кислорода, - но, прошу тебя, не убивай больше.

- Я...

- Прошу... Путешествуй со мной. Просто будь рядом, если всё настолько плохо, то я буду останавливать тебя или же сам умру от твоих рук, но не убивай больше других и живи, - юноша был готов умолять. Он понимал, что совесть не позволит ему так просто отпустить её. Если Хэндрикс точно не будет больше убивать, орки и вовсе не хотели этого делать, живя тихо и мирно, то здесь... Здесь всё было слишком сложно.

- Я не могу, - снова тихо прошептала Анна, пряча глаза.

- Стоп! ГМ! - время вновь остановилось.

«Да?»

- Хватит. Прошу, - почти рыча прошептал парень, который не хотел её убивать.

«Это не от меня зависит.»

- Ты врёшь.

«Можешь думать и так.»

- Это не смешно, прошу... Дай мне кубик на убеждение, хоть что-нибудь!

«Я... Я не могу, Томас. Не в этом случае.»

Бард сжал кулаки до хруста в костяшках и время снова пошло дальше.

- Ради всего святого, - тихо прошептал он, пряча лицо в ладонях, - Анна. Я. НЕ. ХОЧУ. ТЕБЯ. УБИВАТЬ. Пожалуйста, пообещай, что ты не убьёшь больше никого, - тщательно чеканя каждое слово проговорил музыкант, убирая руки от лица и снова смотря в глаза суккубше.

- Но я не могу по-другому, это часть нашей природы. Просто никак не может быть иначе, - повторила она, переведя скорбный взгляд на него. Дыхание её участилось, а руки заметно тряслись.

Ответом ей были объятия, крепкие и настолько неожиданные, что даже её способности не смогли такое предугадать.

- Ты ведь понимаешь, что я должен сделать? - шёпотом произнёс юноша, крепко прижимая Анну к себе в последний раз,- победи эту природу, сломай законы, разорви этот сранный мир, но не дай мне убить тебя.

Впервые за всё это время её руки замкнулись на его спине, обнимая в ответ. Демонесса уткнулась носом в его грудь из-за чего её лица не было видно.

- Я не могу...

Его губы прикоснулись к её лбу.

- Прости меня, - Том отстранился, отходя назад и доставая кинжал, - я не могу позволить тебе убивать дальше. Сражайся в полную силу, выживай. Хорошо?

- Хорошо, - она вновь скрылась в темноте, открыв на мгновение лицо. Парень заметил, как в её глазах сверкали слёзы, и от этого стало ещё хуже.

Однажды он уже потерял её, хотя это была не она, но... Сходство было слишком явным, настолько явным, что стало навязчивым.

***

Некоторое время они просто молча стояли, смотря друг на друга и не решаясь вступить в бой. Даже это состояния неясности было в разы лучше того, что им предстояло.

Прошли десятки минут, но никто так и не нападал. Взяв всё своё мужество в кулак, он просто сделал шаг вперёд. И ещё один. И ещё, пока не сорвался на бег, влетая во тьму, но Анна оказалась в разы быстрее.

Её силуэт прыгал и бесшумно скакал по стеллажам, заполненным всяким добром, с очень высокой скоростью. Только сейчас Юноша осознал, что суккуб не нанесла ни одного удара, даже сейчас, видимо, собираясь лишь защищаться. Сжав зубы, Том выждал момент и, прыгнув, ранил её в ногу. С криком, полным боли, она рухнула, повалив пару полок. Сразу же поднялась такая пыль, что и без того слабый обзор окончательно был убит.

- Прости... - тихо произнёс он, порицая себя за беспомощность.

Уже через мгновение её когти со свистом пронеслись по боку парня, оставляя рваные раны. Кровь горячей струйкой хлынула вниз, заставляя его кричать от сильной, острой боли, как

физической, так и душевной.

Мягко говоря бард был в полной жопе с точки зрения тактики. Он не видел ничего, а уже был тяжело ранен и, если бой затянется, то смерть от потери крови ему заказана.

Два пылающих желтых глаза оказались перед ним, а, судя по свисту, её когти уже были очень близко. Рука на автомате поставила блок и, выбив искры, демонесса снова исчезла где-то во тьме.

Человек всё также стоял посреди мрака и озирался, удерживая в боевой стойке кинжал. Снова свист откуда-то сбоку. Резкий выпад и вновь кровь обагрила эльфийскую сталь, а женский крик разорвал тишину, царившую в подвале.

- Прости, - повторил музыкант снова, всё также ощущая вину и переживая заново в своей голове встречу со своей первой любовью в реальном мире.

Анне было уже заметно хуже, она стала в разы медленнее, но злее. Её когти свистели рядом, но не попадали, порой выбивая искры от кинжала. Казалось, что её воля просто не позволяла сражаться дальше. Он продолжал отступать, пока вдруг не споткнулся о мусор, который был теперь разбросан повсюду, и, всего на миг, не потерял равновесие.

Острейшие когти Анны вонзились в его грудь, оставив четыре очень глубоких раны, а затем, извернувшись, она саданула его копытцем, отбрасывая назад к свече и лестнице. Приземление было жёстким, кровь слишком сильно хлестала из груди, а вместе с ней уходила и жизнь. Демонесса не теряла времени, тут же прыгнув на него сверху, приготовившись подарить ему быструю смерть без мучений, но ошиблась.

Раны, нанесённые эльфийской сталью, очень долго заживают, а шрамы после них остаются на всю жизнь. Ранение же таким клинком в сердце означает лишь гибель, такую рану вылечить просто невозможно.

***

Холод метала заставлял умирающую Анну дрожать сильнее, хватая ртом воздух от боли и агонии. Сражаться она больше могла, даже поддерживать боевую форму уже не хватало сил.

Осознав то, что произошло Том смотрел на свой клинок в её груди и что-то внутри него надорвалось. Он снова всё пережил. Эту встречу, ночные прогулки, посиделки в кино и смех во время просмотра фильмов ужасов, а потом жаркие долгие поцелуи. Два зажатых в своих мирах изгоя, что нашли в друг друге целые вселенные. Но, как и раньше, всё было потеряно. Опять.

Тут же уложив её на спину, он постарался прикрыть рану, перебинтовать, сделать хоть что-то. Слёзы стекали ручейками по его щекам, а боль физическая смешивалась с внутренней. Но девушка не сводила с него глаз, ничего не говоря. Сейчас всё говорили лишь глаза, полные бриллиантов слёз на ресницах.

Бард знал, что ничего не сможет сделать, ведь кровь не прекращала струиться, растекаясь по камням на манер картины художника импрессиониста. В бессилии и отчаянии юноша обнял её, поцеловав в последний раз, словно пытаясь отдать всю ту нежность, разрывавшую ему грудную клетку голыми руками.

- Живи... живи... живи... - бормотал парень в слезах ей на ушко, не желая отпускать, желая пожертвовать всем, чтобы всё это прекратилось.

- Спасибо... - рука Анны ласково прикоснулась к щеке, оставив там кровавый отпечаток, это всё на что у неё хватало сил. А затем...

Её тело начало исчезать, медленно растворяясь в тенях, смешиваясь с воздухом или с самим миром.

Тогда Том обнял её ещё крепче, прижимая к себе и рыдая.

- Нет-нет-нет-нет... - её дух проскальзывал сквозь его пальцы, как песок, пока парень окончательно не остался один посреди лужи крови, стоя на коленях.

"Нет, не бросай меня» - рыдал Томас Пирс, держа девушку, больную злокачественной опухолью, за руку. Где-то совсем рядом гадко пищал кардиомонитор, а запах лекарств неприятно бил в ноздри.

«Я не могу...» - её дыхание прерывалось из-за агонии, даже таблетки уже не могли унять боли.

«Борись за жизнь до конца, прошу тебя» - его губы прикоснулись к её ладони, сухой и холодной, чрезмерно бледной.

«Я постараюсь.» - лёгкая улыбка подарила надежду, которая разбилась через месяц, во время похорон.

Что-то сломалось.

Раны всё также обильно кровоточили, смерть уже во второй раз направлялась к нему и он это ощущал также чётко, как и тепло, что исходило от последнего прикосновения Анны. Он упал на спину и смотрел, как свеча догорает, оставляя лишь маленький кусочек, что худо-бедно тлел, медленно погружая мир во мрак.

Пальцы немели, а затем и руки. Хотелось спать. Всего чуть-чуть, лишь пару минут...

Свеча погасла.

***

Закатное солнце слепило глаза, заставляя щуриться, но поднимать руку просто не было сил.

Томас очнулся в кровати, весь в бинтах, а рядом на кровати сидела Самаэль, что смотрела куда-то вперёд.

- Почему ты не разбудил меня? - недовольство в её голосе было не так заметно, как улыбка, когда бард всё-таки очнулся.

- Я думал, что справлюсь... Один, - с трудом выдавил он из себя, всё ещё краем глаза смотря на спутницу.

- Держи, это я нашла рядом с тобой, - он положила ему что-то в ладонь и, встав подошла к дверному проёму, - рада, что ты жив, принесу тебе еды, - дверь захлопнулась, но её улыбка ослепила сильнее, чем солнце, отступающее за горизонт.

Преодолев себя, юноша всё-таки поднял руку и это оказалась записка, прочитав её он зарыдал.

На ней было написано - «я тебя не забуду».

http://tl.rulate.ru/book/8784/169842